

**ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ
БЛОХИН**

доцент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук

СТРУКТУРА ОСНОВНЫХ ПРАВ И ИХ ПРАВОМЕРНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ: РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ

Автор стремится представить системную, внутренне согласованную картину действия основных (конституционных) прав и свобод личности. Для этого автор предлагает выделять пределы (границы) права и его сущностное неприкосновенное ядро; основное же содержание права представляется в виде бесчисленного множества правомочий, часть из которых, однако, приводится в действие лишь с развитием науки и техники. Такие правомочия могут подвергаться регулированию, включающему в себя — в зависимости от интенсивности — ограничения прав, а также условия их реализации. Это регулирование, тем не менее, возможно лишь при соблюдении правотворческим органом некоторых формальных и материальных требований. Выход же субъектом за пределы этих ограничений и условий, как и реализация права с целью причинить вред правам иных лиц (злоупотребление), ведет к невозможности защиты притязаний индивида в качестве субъективных прав.

Ключевые слова: ограничение права, пределы права, основное содержание права, абсолютные права, злоупотребление правом

DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-12-14-33

Введение

Со времен Цицерона известно утверждение «Когда гремит оружие, законы молчат». Другими словами, в период больших потрясений право должно отойти на второй план. Но российское конституционное законодательство — как и основополагающие акты международного права — исходит из иной предпосылки. Даже военное время, угрозы эпидемий, техногенные катастрофы не могут отменить фундаментальные права и свободы личности. Но для того, чтобы судить

о действии таких прав в условиях чрезвычайных правовых режимов, нужно представлять себе механизм их действия в нормальных условиях. Поскольку четкого понимания этого механизма в литературе до сих пор не сложилось, именно этому автор решил посвятить нижеследующее изложение.

Далее автор рассматривает структуру (содержание) конституционных (основных, фундаментальных) прав и свобод личности: их внешние пределы (границы) и внутреннее смысловое ядро, механизм их правомерного ограничения и условия (порядок) правопользования, а равно запрет злоупотребления правами (см. рисунок в конце статьи). Каждое теоретическое построение автор стремится снабдить примером из практики конституционного правосудия, а также — в целях сопоставительного анализа — европейского конвенционного надзора. Автор широко ссылается на работы отечественных (М.А. Краснов, Т.Г. Морщакова, А.Г. Румянцев, В.В. Лапаева, А.В. Ильин, А.А. Троицкая, А.В. Должиков) и зарубежных (А. Шайо, К. Экштайн, М. де Сальвиа) правоведов.

1. «Абсолютные» конституционные права

Как известно, российская Конституция в ч. 3 ст. 56 называет внушительный перечень прав и свобод, которые не подлежат ограничению и которые можно с долей условности сгруппировать следующим образом: права, связанные с физической и ментальной неприкосновенностью (*integrity*) личности (на жизнь, на уважение человеческого достоинства, на неприкосновенность частной жизни и на свободу совести и вероисповедания); некоторые базовые экономические права (на занятие предпринимательской деятельностью и на жилище); судебные или, иначе, юстициарные¹ права (на доступ к суду, на презумпцию невиновности, на возмещение причиненного государством вреда и ряд других). С учетом того факта, что статья, в которой расположена приведенная норма, в остальных ее частях касается института чрезвычайного положения, высказывалось резонное

предположение о том, что действительная цель этой нормы — особо оговорить, что перечисленные права не могут ограничиваться *только лишь* на основании введения указанного правового режима; следовательно, они могут ограничиваться на общих условиях, определенных ч. 3 ст. 55 Конституции².

Тем не менее магистральным подходом в науке³ и практике⁴ за три десятилетия стал иной (буквальный) подход, согласно которому данная норма призвана закрепить каталог абсолютных, т.е. не подлежащих ограничению, в том числе при чрезвычайном положении, прав и свобод. Между тем уже поверхностный анализ изложенного перечня позволяет сделать вывод о неочевидности такого прочтения и предложить возможные критерии выделения «абсолютных» прав.

Первым и наиболее вероятным таким критерием могла бы быть сравнительная важность перечисленных прав и свобод в системе элементов правового статуса личности; однако — даже если допустить возможность признания некоей иерархии среди конституционных ценностей — этот критерий в любом случае оказывается несоблюденным. Безусловно, право на жизнь (ч. 1 ст. 20⁵) и право на уважение человеческого достоинства (*human dignity*) (ст. 21) заслуживают место в числе «особо важных» конституционных прав, поскольку гарантирование остальных прав при отсутствии особой защиты названных немислимо в современном правовом государстве. Но в таком случае возникает вопрос о том, почему рядом с названными правами не соседствует, например, право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41), учитывая, что, как неоднократно указывал Конституционный Суд (КС) РФ, «здоровье человека — *высшее неотчуждаемое благо* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — П.Б.), без которого утрачивают свое значение

¹ Термин «конституционные юстициарные права» использует проф. Т.Г. Морщакова, именуя так «права и свободы человека и гражданина в сфере судопроизводства» (Морщакова Т.Г. Конституционная концепция судопроизводства // Российская юстиция. 2001. № 10).

² Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 61.

³ Конституция Российской Федерации. Комментарий / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994. С. 292.

⁴ См., напр.: Определение КС РФ от 10.03.2016 № 448-О.

⁵ Здесь и далее, если не оговорено иное, приводятся ссылки на положения Конституции РФ.

многие другие блага и ценности»⁶. Почему не названо в приведенном перечне право гражданина беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию (ст. 27), имея в виду, что только нахождение гражданина под суверенной юрисдикцией России предполагает возможность пользования в полном объеме всеми основными правами и исполнения всех конституционных обязанностей? Напротив, можно предположить, что право на занятие предпринимательством, которое названо в этом перечне, — каким бы важным оно ни было в правовом государстве с рыночной экономикой — вполне может быть *правомерно* ограничено без тотального разрушения правового статуса личности.

Вторым весьма вероятным критерием можно было бы считать саму по себе возможность или невозможность контроля государством за реализацией тех или иных прав и свобод в зависимости от того, имеет ли такая реализация внешнее выражение, предполагает ли она социальную интеракцию носителя основного права с иными субъектами⁷. В таком случае понятно, почему в рассматриваемом перечне названа свобода совести (ст. 28), включающая в свой объем, в частности, право выбирать религиозные убеждения и придерживаться их. Но, напротив, трудно объяснить, почему из данного объема не исключено право демонстрировать и распространять религиозные убеждения, притом что «получая свою реализацию во внешней сфере, в том числе в массовых коллективных формах, оно объективно приобретает и весьма существенное общественное значение»⁸. Соответственно, если бы конституционный законодатель руководствовался приведенным критерием, он, очевидно, включил бы в рассматриваемый перечень свободу мысли, включая право не быть принужденным к отказу от политических и прочих убеждений, но не включил бы в него свободу слова, включая свободу массовой информации и свободу от цензуры (ст. 29). Ну и конечно, не было бы никаких оснований включать в обозна-

ченный список целый ряд иных прав, например право на неприкосновенность частной жизни (*privacy*) (ч. 1 ст. 23), которое — особенно при современном уровне развития технологий — может быть существенно ограничено без особых к тому усилий.

Третьим допустимым критерием могла бы стать принципиальная невозможность конфликта между ограничиваемыми правами (свободами) и теми ценностями, для защиты которых Конституцией РФ в ч. 3 ст. 55 допускается введение ограничений. Так, например, в самых ранних своих решениях КС РФ исходил из того, что «право на судебную защиту ни в каком случае не может вступить в противоречие с данными целями [защиты нравственности, обеспечения обороны страны и т.д.] и, следовательно, не подлежит ограничению»⁹. Однако опыт показывает, что даже право на судебную защиту (предполагающее как минимум право на доступ к суду¹⁰) при некоторых обстоятельствах может войти в конфликт с некоторыми такими ценностями¹¹. В частности, даже Европейский суд по правам человека признает, что ограничение права лица, находящегося в состоянии банкротства, самостоятельно инициировать судебное разбирательство, в принципе, может служить целям защиты прав иных лиц, в том числе кредиторов¹². Что же говорить об иных правах, таких как свобода экономической деятельности, реализация которой часто создает угрозу ценностям общественной нравственности или общественного здоровья (например, организация азартных игр или производство наркотических веществ)?

Наконец, в качестве четвертого приемлемого критерия можно предположить невозможность ограничения некоторых основных прав, коль скоро их невозможно реализовать частично, в усеченном объеме, — всякое их ограничение будет равносильно «отмене», «умале-

⁶ Определение КС РФ от 06.06.2002 № 115-О и др.

⁷ «В этом специфика не только собственно права, предназначенного для регулирования определенных отношений (а отношений внутри человека быть не может), но и государства, не обладающего возможностями предотвратить то, что ему физически неподконтрольно» (Краснов М.А. Ограничение прав человека или поиск их естественных пределов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 2. С. 113).

⁸ Постановление КС РФ от 05.12.2012 № 30-П.

⁹ Постановление КС РФ от 03.05.1995 № 4-П.

¹⁰ У нас это право достаточно ясно сформулировано как право на обращение за судебной защитой (ст. 46), а ЕСПЧ вывел его из права на справедливое судебное разбирательство (постановление от 21.02.1975 по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства»).

¹¹ К такому выводу приходит и А. Шайо, см.: Конституционные права в России: дела и решения: учеб. пособие / отв. ред. А. Шайо. М., 2002. С. 61.

¹² Постановление ЕСПЧ от 17.07.2003 по делу «Луордо (Luordo) против Италии». Эта позиция содержательно перекликается с позицией КС РФ, занятой им в Постановлении от 14.07.2021 № 36-П.

нию» или, иначе, лишению «сущностного ядра» этого права, чего Конституция не допускает в ч. 2 ст. 55. Так, справедливо указано, что «любое гипотетическое „ограничение“ права на жизнь тождественно *лишению* права на жизнь», «ограничить право на жизнь невозможно, но можно предусмотреть случаи, в которых человек может быть правомерно лишен жизни»: предположим, установить уголовно-правовую санкцию в виде смертной казни (впредь до отмены таковой¹³) или признать законным причинение смерти в результате необходимой обороны¹⁴. Однако очевидно, что сказанное не относится, например, к праву на уважение частной жизни, которое может подвергнуться ограничению в одном аспекте (допустим, контроль корреспонденции) и продолжить действовать во всех остальных аспектах (допустим, неприкосновенность жилища).

Как видно из предложенных выше суждений об «абсолютных» правах, модальность таких суждений различается, что вполне допускает формула ч. 3 ст. 56 Конституции «не подлежат ограничению»: некоторые права *не могут* быть ограничены (дескриптивное суждение), а некоторые — *не должны* ограничиваться (прескриптивное суждение).

Можно было бы предположить, что конституционный законодатель комбинированно использовал приведенные критерии, — иными словами, выделил права, которые физически невозможно ограничить, и права, ограничение которых недопустимо, в том числе в силу их значимости. Однако приведенный выше анализ не подтверждает этой гипотезы, поскольку отдельные права (в частности, на занятие экономической деятельностью и на уважение частной жизни) и *могут* ограничиваться, и *требуют* введения ограничений в определенных обстоятельствах.

Нет ничего удивительного в том, что ни в науке, ни в судебной практике не прекращается дискуссия о том, действительно ли «абсолютные» права не подлежат

ограничению, что наглядно демонстрируется в работе М. де Сальвиа¹⁵. В качестве иллюстрации этой дискуссии предложим обратиться к праву на уважение человеческого достоинства (выделяя в качестве его важнейшей составляющей право не подвергаться пыткам, иному унижающему обращению, принудительным медицинским экспериментам) и юстициарные права (включающие в себя целый перечень процессуальных прав или, иначе, гарантий судебной защиты). Выбор этих двух прав (групп прав) для примера не случаен, поскольку именно они чаще всего соседствуют в теоретико-правовой науке и судебной практике со словосочетанием «абсолютные права».

Как указывалось выше, в первые годы своей деятельности КС РФ последовательно исходил из того, что презумпция невиновности и право граждан на судебную защиту относятся к таким правам, которые в силу статьи 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации не подлежат ограничению ни при каких условиях¹⁶. Вместе с тем впоследствии Суд стал вести речь уже о «рамк [ах] допустимых ограничений конституционного права на судебную защиту, установленных статьей 55 (часть 3) Конституции»¹⁷ и о праве законодателя «вводить только такие ограничения гарантий судебной защиты... которые обусловлены защитой конституционных ценностей, перечисленных в статье 55 (часть 3) Конституции»¹⁸. Какие же конкретно гарантии судебной защиты, входящие в группу юстициарных прав, Суд счел возможным ограничивать?

Во-первых, он признал допустимой передачу председателем районного суда дел от одного мирового судьи другому, поскольку такой механизм, будучи направленным «на создание условий для обеспечения равномерной нагрузки на мировых судей», выступает «в качестве дополнительной гарантии права граждан на беспрепятственный доступ к правосудию» и «не предполагает принятия председателем районного суда произвольного решения об изменении подсудности дел»¹⁹. Во-вторых, он допустил такой

¹³ В случае России мораторий на исполнение смертных приговоров трансформировался в отмену данной меры наказания, что подтверждено Определением КС РФ от 09.11.2010 № 1536-О-П, поэтому данный пример утратил актуальность.

¹⁴ Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. С. 78.

¹⁵ Сальвиа М. де. Размышления об аксиологическом подходе в практике Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 5.

¹⁶ Постановления КС РФ от 03.05.1995 № 4-П, от 28.10.1996 № 18-П, от 29.04.1998 № 13-П и некоторые другие.

¹⁷ Определение КС РФ от 04.12.2003 № 456-О.

¹⁸ Определение КС РФ от 09.04.2002 № 28-О.

¹⁹ Определение КС РФ от 18.07.2019 № 2160-О.

порядок привлечения к административной ответственности за нарушение ПДД, зафиксированное средствами фото- и видеофиксации, который, «будучи исключением из общего правила о том, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, не отменяет действие в названной сфере иных положений, раскрывающих принцип презумпции невиновности»²⁰. В-третьих, он счел, что «законодатель вправе связать ответственность государства за вред, причиненный при осуществлении правосудия (т.е. при разрешении дела по существу) посредством гражданского судопроизводства, с уголовно наказуемым деянием судьи», поскольку иное «могло бы парализовать всякий контроль и надзор за осуществлением правосудия из-за опасения породить споры о возмещении причиненного вреда».²¹ Хотя некоторые из приведенных позиций могут быть подвергнуты критике (в частности, отступление от принципа законного судьи — *lawful judge*²²), но, взятые в целом, они скорее подтверждают, что множество гарантий судебной защиты подлежит ограничительному регулированию.

Признание абсолютного характера права на уважение человеческого достоинства, напротив, по мнению автора, не вызывает сомнений ни в европейской правовой, ни в отечественной конституционной системах ценностей. Ни одно цивилизованное государство, скорее всего, не будет прямо признавать, что его акты — например, в сфере исполнения уголовных наказаний — ограничивают право на человеческое достоинство; однако оно может утверждать, что такие действия в правомерной манере ограничивают иные права — например, свободу передвижения или право на уважение личной и семейной жизни. Кроме того, «основным критерием для характеристики „обращения“ как запрещенного будет выступать степень жестокости подобного обращения. Речь идет о своего рода пороге, за которым обращение подпадает под запрет; впрочем, этот порог достаточно относителен по своей сути. На самом деле, оценка этого порога зависит от характера и обстоятельств

обращения»²³. Таким образом, акцент должен быть смещен с вопроса о том, подлежит ли право на уважение достоинства личности ограничению, на вопрос о том, является ли то или иное обращение таким ограничением.

Иллюстрацией приведенного теоретического затруднения может служить практика ЕСПЧ по делам о применении физического воздействия в качестве меры уголовного или дисциплинарного наказания (*corporal punishment*). Так, в деле «Тайрер против Соединенного Королевства» 1978 года Суд указал, что «запрет, содержащийся в статье 3 Конвенции, является абсолютным: невозможно ввести исключения из статьи или согласно пункту 2 статьи 15 Конвенции заявить о дерогации»²⁴. В данном деле Суд счел наказание заявителя в виде трех ударов розгами, примененное к нему за насильственное преступление, совершенное им в отношении другого учащегося, «унижающим достоинство наказанием» (хотя и не счел его «бесчеловечным наказанием» или «пыткой»). Для такой квалификации наказания он учел следующие обстоятельства: наказание назначалось и приводилось в действие представителями государства, т.е. посторонними людьми, и могло иметь негативный психологический эффект, в частности ввиду длительного ожидания исполнения этого наказания.

В деле «Костелло-Робертс против Соединенного Королевства» 1993 года Суд, надо полагать, не отступил от своего тезиса о безусловном характере права на уважение достоинства личности. Вместе с тем он счел, что наказание заявителя в виде шлепков ниже спины за неоднократные нарушения им школьной дисциплины не являлось не только «бесчеловечным наказанием» или «пыткой», но и «унижающим достоинство наказанием»²⁵. Суд предложил отличать это дело

²⁰ Определения КС РФ от 07.12.2010 № 1621-О-О, от 22.03.2011 № 391-О-О.

²¹ Постановление КС РФ от 25.01.2001 № 1-П.

²² Ранее критерии для изменения горизонтальной подсудности конкретного дела были выработаны в Постановлении КС РФ от 16.03.1998 № 9-П и развиты им в ряде последующих дел.

²³ Сальвиа М. де. Указ. соч. С. 73.

²⁴ Постановление ЕСПЧ от 25.04.1978 по делу «Тайрер (Tyrrer) против Соединенного Королевства». Немногим ранее эта же позиция была сформулирована им в постановлении от 18.01.1978 по делу «Ireland v. the United Kingdom» о недопустимости таких методов ведения допроса военнослужащих ИРА, которые включали физическое и психологическое насилие (например, сенсорную депривацию).

²⁵ Постановление ЕСПЧ от 25.03.1993 по делу «Костелло-Робертс (Costello-Roberts) против Соединенного Королевства». Ранее к аналогичному выводу Суд пришел в постановлении от 25.02.1982 по делу «Кэмпбелл и Ко»

от изложенного выше, поскольку удары наносились через одежду резиновым предметом (а не деревянными розгами) и притом в приватной обстановке воспитателем пансионата (а не тремя сотрудниками полиции). При этом Суд не исключил, что подобное наказание в иных обстоятельствах — даже не будучи унижающим достоинство — может составить ограничение права на уважение частной жизни. Таким образом, позицию ЕСПЧ о принципиальной недопустимости унижающих достоинство наказаний можно считать устоявшейся, в то время как применение этого правила к конкретным фактам предполагает значительное усмотрение, граничащее с произволом.

2. «Новые» конституционные права

В литературе не один год продолжается дискуссия о появлении так называемых новых основных прав — новых в том смысле, что они не провозглашены в актах конституционного права, а признаны в текущем законодательстве или судебной практике и зачастую связаны с появлением новых, неизвестных ранее технологий (информационных, биомедицинских и др.). Приведем две полярные доктринальные позиции на этот счет: так, один автор утверждает, что «имеет место тенденция формирования новых прав человека, характерных исключительно для онлайн-среды»; «несомненно, право быть забытым отличается от права на защиту личной и семейной жизни, защищающего информацию, которую лицо не хочет раскрывать»²⁶. Куда более основательным выглядит подход проф. А. Румянцева: «...при расширении области применения уже существующего права мы получаем не самостоятельные „цифровые“ права, а „цифровые“ способы реализации „классических прав“»; «право защищает некий социальный эффект, а не способ его достижения»; в частности, «право „на забвение“ можно отнести к числу личных прав

в силу его близости к праву на охрану или уважение частной жизни»²⁷.

Для дальнейшего анализа, однако, необходимо сделать существенную оговорку: общепризнано, что так называемые личные права (на уважение достоинства, защиту частной жизни, свободу творчества и т.п.) принадлежат каждому от рождения и являются неотчуждаемыми; иначе обстоит дело с так называемыми социальными правами (право на государственные пенсии, право на образование и др.), которые наполняются конкретным содержанием с учетом демографических, экономических и прочих предпосылок²⁸. Рискнем предположить, что когда законодатель регламентирует порядок применения вспомогательных репродуктивных технологий как способа лечения бесплодия²⁹, он не вводит нового права — например, «права на суррогатное материнство» или «права на донорство половых клеток»; он лишь ограничивает (ч. 3 ст. 55) и иным образом регулирует (п. «в» ст. 71) права на уважение семейной жизни и на медицинскую помощь. Напротив, предусматривая право на получение материнского (семейного) капитала, федеральный законодатель и законодатель субъекта не просто регламентируют основания, порядок или сроки получения данной выплаты, а «устанавливают» само право на такую выплату (ч. 1 ст. 39) в рамках совместной конституционной компетенции (п. «б» и «ж» ч. 1 ст. 72), без чего любые притязания граждан на эту выплату не имели бы правовой защиты.

Последний тезис подтверждается и практикой КС РФ: он указывал, среди прочего, что «право на приватизацию, обусловленную переходом к многообразию форм собственности... не относится к числу конституционных — оно регламентируется федеральным законодателем»³⁰ и что «право на получение мате-

занс (*Campbell and Cosans*) против Соединенного Королевства», где двум ученикам лишь грозила мера в виде наказания розгами; однако он усмотрел нарушение прав родителей обеспечивать обучение и воспитание их детей в соответствии с их религиозными и философскими убеждениями.

²⁶ Довгань Е.Ф. «Новые» права человека и международное право // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок: Московская юридическая неделя: XV международная научно-практическая конференция: Кутафинские чтения. Часть 4. М., 2019. С. 210 и 213.

²⁷ Румянцев А.Г. Обособление «цифровых» прав: Новые технологии, новые возможности, новые ограничения // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 6. С. 73 и 88.

²⁸ См., напр.: Санстейн К. Отрицательные качества положительных прав // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1993. № 1.

²⁹ На сегодняшний день, впрочем, регламентация этих процедур (включая ограничение круга лиц, которые могут к ним прибегнуть) осуществлена не законом, а приказом Минздрава России от 31.07.2020 № 803н, притом что в федеральном законе отсутствует даже рамочное регулирование, что едва ли отвечает требованию ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

³⁰ Определение КС РФ от 18.04.2006 № 119-О и др.

ринского (семейного) капитала непосредственно из Конституции Российской Федерации не вытекает и носит временный характер, обусловленный как демографическими задачами, так и финансовыми возможностями государства»³¹. И хотя приведенные и иные подобные права должны регулироваться с соблюдением иных конституционных императивов (правовой определенности, формального равенства, поддержания доверия граждан к действиям публичной власти), законодатель обладает большой свободой усмотрения в части введения, ограничения и упразднения подобных прав.

Представляется, что ответ на сакраментальный вопрос о том, является ли некоторое личное право «новым» или же входит в содержание известных фундаментальных прав, зависит в значительной степени от того, какой концепции правопонимания мы придерживаемся.

При позитивистском (легистском) подходе «новое» право возникает в тот момент, когда его признает законодатель; до этого момента любые притязания индивида остаются лишь притязаниями (интересами), не обладающими качеством субъективных прав. При естественно-правовом (юснатуралистском) подходе право не является «новым», но находится как бы в спящем состоянии; изменившиеся реалии окружающей жизни лишь пробуждают это право, вынуждая законодателя действовать. Как справедливо отмечает К. Экштайн, в такой парадигме «речь идет об одной из бесконечного числа возможных форм человеческого поведения. Сумма этих возможностей есть то, что мы понимаем под естественной свободой каждого человека, существующей до установления любого правопорядка и независимо от него»³².

С учетом сказанного выше, такое «новое» фундаментальное право личности, как упоминавшееся уже «право на забвение» (*a right to be forgotten*), вовсе не является новым, поскольку представляет собой лишь организационно-правовой механизм реализации хорошо известного права на уважение частной жизни.

В литературе неоднократно отмечалось, что впервые «право на забвение» было отчетливо провозглашено в постановлении Суда ЕС по делу *Google Spain SL*³³, имея в виду, что ни в первичном, ни во вторичном праве Евросоюза на тот момент такое субъективное право, разумеется, не фигурировало. В данном деле стоял вопрос о наличии у оператора поискового сервиса *Google* обязанности по требованию заявителя удалить две ссылки на интернет-сайты, содержавшие газетные статьи 16-летней давности о том, что недвижимость заявителя была выставлена на продажу за долги. Суд начал свой анализ, указав, что «Директива 95/46 [Европейского парламента и Совета ЕС] направлена на обеспечение высокого уровня защиты основных прав и свобод физических лиц, в частности их права на неприкосновенность частной жизни при обработке персональных данных». Далее Суд сформулировал собственно правовую позицию: «...это право, как правило, преобладает не только над экономическими интересами оператора поисковой системы, но и над интересами широкой общественности в получении соответствующей информации с помощью поиска по имени субъекта данных. Однако это может быть не так, если по особым причинам — таким как роль, которую субъект данных играет в общественной жизни — оказывается, что вмешательство в его основные права оправдано преобладающим интересом широкой общественности». Впоследствии Регламентом № 2016/679, сменившим упомянутую Директиву, было прямо предусмотрено «право на забвение», что, однако, едва ли способно привести к изменению его правовой природы *post factum*.

В 2015 году в отечественном информационном законодательстве был предусмотрен механизм, позволяющий оператору поискового сервиса удалять по запросу пользователя из числа результатов поиска ссылки на такие интернет-сайты, которые содержат «недоверенную, а также неактуальную, утратившую значение для заявителя» информацию³⁴. КС РФ неоднократно высказывался о конституционно-до-

³¹ Определение КС РФ от 03.03.2015 № 431-О и др.

³² Экштайн К. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской Конвенции: учеб. пособие. М., 2004. С. 56.

³³ Постановление Суда ЕС от 13.05.2014 по делу *Google Spain SL and Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González*. (Перевод мой. — П.Б.)

³⁴ Статья 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

пустимых параметрах применения этого механизма; в первом своем решении³⁵ по этому поводу он указал следующее: «...особый характер прав личности, гарантированных статьями 23 и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, распространяющийся в том числе и на производные от них права (право на защиту персональных данных, „право на забвение“ в сети „Интернет“), хотя, как правило, и предполагает признание их приоритета по отношению к коррелирующим им правам, вместе с тем не исключает, что в некоторых случаях при определенных обстоятельствах... данные права могут быть ограничены путем обеспечения доступа общественности к соответствующей информации в целях защиты конституционно охраняемых ценностей, имеющих в конкретной ситуации превалирующее значение».

Исходя из процитированных фрагментов, можно уверенно утверждать, что оба высших суда рассматривали «право на забвение» не как «новое» субъективное право личности, а как частный случай реализации права на защиту персональных данных, которое, в свою очередь, является производным от фундаментального права на уважение частной жизни. Иначе, помимо хаотичного умножения числа такого рода «прав», возникал бы и практически значимый вопрос: идет ли речь о правах, гарантированных лишь на уровне текущего законодательства, т.е. не имеющих конституционной основы, или же о «других общепризнанных правах», гарантируемых наряду и наравне с конституционными (ч. 1 ст. 55)? Представляется, что тот и другой подход не были бы лишены серьезных недостатков.

При первом подходе законодатель признавался бы свободным как во введении такого права в корпус правового регулирования — независимо от требований, которые выдвигают изменившиеся реалии жизни, — так и в его упразднении (отмене), поскольку соответствующий запрет обращен лишь к конституционным (фундаментальным) правам личности³⁶. Например, в российском законодательстве за многие годы так и не был урегулирован механизм премоде-

рации и постмодерации комментариев (отзывов), оставляемых пользователями (в том числе анонимными) сетевого издания в отношении иного лица. Однако широкое распространение разного рода рейтинговых сайтов (форумов), администрации которых выполняют роль так называемых информационных посредников, побудило КС РФ признать наличие у последних соответствующей обязанности. Это означает и признание корреспондирующей такой обязанности права заинтересованного лица требовать проверки и (или) удаления противоправных комментариев в его адрес. Данное право рассматривалось КС РФ как организационно-правовой механизм реализации права на защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23)³⁷, а вовсе не как некое особое «право на модерацию».

При втором подходе требовалось бы разрешить вопрос о том, является ли некоторое новое право «общепризнанным» в том смысле, который вложен в эти слова Конституцией РФ; эта задача усложняется с учетом сокращения участия России в международных, включая правозащитные, объединениях. Например, рассмотренное выше «право на забвение», признанное в праве Европейского союза, не нашло такого же признания в праве Совета Европы. Лишь в 2021 году в деле «Бьянкарди против Италии»³⁸ ЕСПЧ прямо признал, что «право на забвение» может быть выведено из ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, сославшись при этом на более общие положения права СЕ о защите персональных данных и на упоминавшиеся правовые акты ЕС. Впрочем, это дело касалось обязанности не оператора поискового ресурса, а издателя онлайн-газеты осуществить деиндексацию (*de-indexing, de-listing*) интернет-страницы (т.е. скрыть ее из числа результатов поиска), которая содержала статью о возбуждении уголовного дела в отношении ряда лиц. Еще ранее в деле «M.L. и W.W. против Германии»³⁹ ЕСПЧ также упоминал о «праве на забвение», хотя данное дело и вовсе касалось требования не скрыть ссылки на интернет-сайт из результатов поиска, а изъять персональные данные, фигурировавшие в статье,

³⁵ Определение КС РФ от 26.11.2018 № 3087-О.

³⁶ Как справедливо замечено, «ценой, которую приходится платить за легкость появления [нового права], является легкость исчезновения, для чего также необходимо принятие обычного закона» (Румянцев А.Г. Указ. соч.).

³⁷ Постановление КС РФ от 25.05.2021 № 22-П.

³⁸ Постановление ЕСПЧ от 25.11.2021 по делу «Бьянкарди (Biancardi) против Италии».

³⁹ Постановление ЕСПЧ от 28.06.2018 по делу «M.L. и W.W. против Германии».

размещенной на этом сайте (также посвященной уголовному делу). Однако такое понимание «права на забвение» расходится с тем смыслом, который вложил в него, вслед за Судом ЕС, российский законодатель⁴⁰.

Всё сказанное, конечно, не исключает возможности появления и позитивно-правового закрепления в том или ином правовом порядке принципиально новых прав и свобод личности; это наиболее вероятно в тех случаях, когда конституционное законодательство ранее целенаправленно отрицало или умалчивало о некоторых фундаментальных правах; для такого признания требуется нечто большее, чем просто развитие информационных, медицинских и прочих технологий, которые, как правило, лишь предоставляют новые способы (формы) реализации уже известных прав.

Однако даже радикальные перестроения в общественно-политической, экономической и культурно-идеологических сферах, как показывает опыт, необязательно ведут к появлению именно «новых» прав. Например, одно такое «новое» право — право на правду (*right to truth*) стало ответной реакцией общества на падение диктаторских режимов (в Чили, Аргентине, Бразилии) с их практикой насильственных исчезновений, удержаний невинных лиц в секретных тюрьмах с последующими казнями и захоронениями. Вместе с тем ряд международных и национальных правозащитных учреждений подтвердили, что это право — реализацией которого стал доступ к ранее закрытым архивам, проведение расследований обстоятельств таких исчезновений и др. — вполне может быть выведено из классических прав, в том числе свободы информации и права на судебную защиту⁴¹.

⁴⁰ «...удовлетворение заявленного требования не означает полного изъятия спорной информации из публичного доступа: ознакомление с ней возможно при обращении непосредственно к конкретному интернет-сайту, где эта информация размещена, в том числе с использованием поискового сервиса, интегрированного в такой сайт» (Определение КС РФ от 19.10.2021 № 2129-О).

⁴¹ См. подробнее: *Евсеев А.П.* Право на правду — новое право человека? // *Международное правосудие.* 2022. № 2.

3. Пределы конституционных прав

В литературе неоднократно ставилась теоретическая проблема размежевания понятий «ограничение конституционного права» и «выявление пределов (границ) конституционного права». Например, А. Троицкая предлагает подход, «в рамках которого сфера защиты прав понимается достаточно широко», а любые изъятия из этой сферы рассматривает в качестве правоограничения, подлежащего оценке на предмет соответствия требованию пропорциональности (ч. 3 ст. 55)⁴². Напротив, Н. Малютин полагает, что выявление границ основного права — что рассматривается им в качестве одной из форм «регулирования прав и свобод» (п. «в» ст. 71) — может осуществляться посредством текущего законодательства и правоприменительной практики⁴³. Наиболее близким к истине нам представляется подход проф. М. Краснова, который отмечает: «...все основные права имеют изначальные границы. В позитивно-правовом смысле такие границы описываются конституцией соответствующего государства»; при этом, однако, если «некоторые конституционные ограничения являются позитивно-правовым выражением имплицитно уже существующих естественных пределов прав», то другие, «хотя и представлены в Конституции, не являются экспликацией естественных пределов», а обусловлены «доминирующими в период разработки конституционного текста идеями, стереотипами, инерцией»⁴⁴. К изложенному следовало бы добавить, что некоторые пределы конституционных прав, напротив, имеют вполне естественную природу, но не отражены в тексте Основного закона прямо, а являются скорее подразумеваемыми.

⁴² *Троицкая А.* Указ. соч. Такой подход выглядит привлекательно, но наталкивается на препятствие в виде вполне конкретных границ (пределов), которые установлены конституционным законодателем и тем более международными пактами в отношении отдельных прав.

⁴³ *Малютин Н.С.* Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина // *Конституционное и муниципальное право.* 2014. № 3. Из этой работы неясно, как данный подход соотносится с идеей о том, что именно права и свободы личности предопределяют «смысл, содержание и применение законов» (ст. 18 Конституции), а отнюдь не наоборот.

⁴⁴ *Краснов М.А.* Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав: на примере экономических прав // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2013. № 1. С. 86–87.

В качестве примера первой ситуации чаще всего приводится право на публичные мероприятия. Так, Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» устанавливает, что участники публичных мероприятий не вправе, среди прочего, «иметь при себе оружие... другие предметы, которые могут быть использованы в качестве оружия» (п. 2 ч. 4 ст. 6). На первый взгляд, можно считать данное положение типичным случаем правоограничения, введение которого допускается ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, — таким же, как, например, запрет «скрывать свое лицо», предусмотренный этой же нормой. Тогда следовало бы предположить, что законодатель полномочен по своему усмотрению снять это ограничение, а орган конституционной юрисдикции — дисквалифицировать его как неправомерное. В обоих случаях круг правовых возможностей для участников публичного мероприятия расширяется, а запрещенные ранее действия становятся допустимыми.

Однако такой вывод со всей очевидностью расходился бы с положением ст. 31 Конституции РФ о том, что «граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия». Указанным положением эксплицитно (явно выражено) задается предел осуществления данного конституционного права; вне зависимости от наличия идентичного положения в текущем законодательстве присутствие на митинге, шествии и т.п. с оружием не подлежит правовой защите; законодателю же остается лишь предусмотреть конкретные меры для предупреждения таких случаев. Указанное обусловлено тем, что, по мнению учредительной власти, такое вооруженное присутствие несовместимо с целью, которую преследует право на публичные собрания, — «открытое и свободное выражение гражданами своих взглядов, мнений и требований»⁴⁵.

В качестве возможного примера второй ситуации приведем запрет голосовать на выборах лицам, отбывающим в местах лишения свободы назначенное приговором суда наказание. Данное положение, отраженное в Федеральном законе от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме

граждан Российской Федерации» (п. 3 ст. 4), так же, как и в предыдущем примере, лишь воспроизводит конституционную норму (ч. 3 ст. 32). Как справедливо отметил в связи с этим КС РФ, полная отмена данного запрета либо изъятие из сферы его действия отдельных категорий осужденных не согласовывались бы «с указанным конституционным императивом, безусловно распространяющимся на всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда», притом что оценка положений, являющихся органической частью самой Конституции, недопустима⁴⁶. Этот «конституционный императив» и является нормативно очерченным пределом избирательного права, вводя который конституционный законодатель, по-видимому, преследовал цель не допустить криминализации публичной власти и (или) исключить возможность принуждения к голосованию части электората.

Однако можно ли утверждать, что предоставление Основным законом права голоса заключенным было бы *противоестественным*, т.е. несовместимым с правом граждан на свободные выборы (как, например, участие в выборах недееспособных лиц)? Не имеют ли они правомерного интереса участвовать в формировании органов, определяющих государственную политику, скажем, в пенитенциарной сфере? Не следовало ли оставить законодателю возможность предусмотреть соразмерные ограничения этого права (например, исключить участие таких лиц только в муниципальных выборах)?

Наконец, в качестве третьего примера границ (пределов) конституционного права приведем недопустимость высказываний, представляющих собой оскорбление другого лица. С одной стороны, Конституция РФ, гарантируя каждому свободу слова и свободу распространять информацию «любим законным способом», а равно свободу массовой информации (ч. 1 и 4–5 ст. 29), прямо не запрещает такого рода высказывания. Из приведенной формулировки можно было бы сделать вывод о том, что, устанавливая меры публично-правовой или гражданско-правовой ответственности за оскорбления или иным образом исключая таковые из числа защищаемых свободой слова высказываний, законодатель тем самым вводит

⁴⁵ Постановление КС РФ от 14.02.2013 № 4-П и др.

⁴⁶ Постановление КС РФ от 19.04.2016 № 12-П.

правоограничение. Аналогичным образом ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», которая гласит, что если в обращении в органы публичной власти «содержатся нецензурные либо оскорбительные выражения», такое обращение может быть оставлено без ответа, можно было бы рассматривать как ограничение права на петицию (ст. 33 Конституции РФ).

Между тем КС РФ несколько иначе рассматривает природу данного явления. В уже упоминавшемся выше постановлении он констатировал обязанность редакций интернет-СМИ осуществлять предварительную модерацию некоторых категорий отзывов (комментариев) пользователей с целью «воспрепятствовать наличию в издании (на сайте) очевидно противоправных суждений... включая такие запрещенные нормами публичного права высказывания, которые представляют собою оскорбление... и не пользуются конституционной защитой»⁴⁷. Такого рода модерация, следовательно, не может рассматриваться в качестве ограничения свободы слова, и в том числе в качестве цензуры.

Безусловно, представленная классификация не лишена своих недостатков.

Например, следует ли считать выявлением пределов свободы информации или ограничением этой свободы запрет публиковать порнографические материалы с участием несовершеннолетних, литературу экстремистского толка, сообщения, представляющие собой диффамацию или клевету, и т.п.? Возможно, ответ на этот вопрос зависит от того, имеет ли некоторая публикация информационную ценность и (или) является ли она формой творческого самовыражения. При положительном ответе публикация в принципе входит в сферу свободы информации, которая, однако, ввиду столкновения с иными ценностями подлежит ограничению. При отрицательном ответе следует считать запрет такой публикации не более, чем выявлением (экспликацией) границ права.

Однако нельзя не признать того, что грань между этими двумя правовыми категориями все же является весьма условной.

В таком случае можно задаться закономерным вопросом: не все ли равно лицу, чем обусловлены рамки его правомерного поведения — естественными пределами основного права или же ограничением этого права? Ответ на этот вопрос будет особенно наглядным, если обратиться к международным актам о правах человека. Так, государства — участники Европейской конвенции обязуются гарантировать лишь те права и свободы, которые этой Конвенцией предусмотрены (ст. 1) и которые составляют лишь *minimum minimorum* правового статуса личности (ст. 53). Соответственно, ЕСПЧ выйдет за пределы своего договорного мандата, если обяжет государство признавать и защищать такие притязания индивида, которые не вытекают из перечисленных основных прав или свобод. Это не исключает того, что при выявлении пределов таких прав и свобод Суд иногда вынужден использовать так называемое эволютивное толкование (доктрину «живого инструмента»). Например, включает ли ст. 9 Европейской конвенции о свободе вероисповедания в свой объем среди прочего право лица на отказ от прохождения военной службы по религиозным убеждениям? Долгие годы ответ на этот вопрос оставался отрицательным и, соответственно, жалобы заявителей на отсутствие такой возможности не доходили до рассмотрения ЕСПЧ по существу как явно необоснованные⁴⁸. С развитием международного права и законодательства государств — членов СЕ в практике этого Суда возобладал обратный подход, что позволило оценивать невозможность отказаться от прохождения срочной службы верующим лицам как несоизмерное ограничение права, гарантированного ст. 9⁴⁹.

⁴⁸ Решение ЕКПЧ от 02.04.1973 по вопросу о приемлемости жалобы «G. Z. против Австрии».

⁴⁹ Постановление ЕСПЧ от 07.07.2011 по делу «Баятян (Bayatyan) против Армении». Можно предположить, что законодатель поставит возможность отказа лица от исполнения воинской обязанности в зависимость от прохождения им альтернативной службы или, например, от уплаты государству некоторой денежной компенсации. И то, и другое ограничение могут оцениваться с точки зрения их соразмерности лишь постольку, поскольку сама возможность такого отказа защищается свободой вероисповедания или иным основополагающим правом.

⁴⁷ Постановление КС РФ от 25.05.2021 № 22-П.

4. Условия реализации конституционных прав

Как известно, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ позволяет ограничивать права и свободы человека и гражданина лишь федеральным законом, что согласуется с п. «в» ст. 71, которая относит регулирование таких прав и свобод к исключительному ведению Российской Федерации. Однако такой подход к форме правоограничений порождает ряд вопросов, которые многократно уже ставились в литературе. Как справедливо отмечал К. Экштайн, «поскольку любое законодательство практически всегда связано с ограничением чьих-либо прав и свобод, то никакой федерализм был бы невозможен, если бы соответствующим парламентам было запрещено ограничивать основные права и свободы в сфере их законодательной компетенции»; равным образом, «в случае с Президентом было бы бессмысленным предоставлять ему право нормотворчества (ст. 90), если при этом он не вправе ограничивать основные права и свободы»; наконец, опыт демократических государств показывает, что «любой парламент, федеральный, кантональный (субъекта федерации) или муниципальный имеет право ограничивать основные права и свободы»⁵⁰.

Действительно, к совместному ведению России и ее субъектов отнесена защита прав и свобод человека и гражданина, в частности путем принятия административно-деликтного законодательства (п. «б» и «к» ч. 1 ст. 72 Конституции, п. 1 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ), что неизбежно означает и ограничение сфер дозволенного поведения под угрозой санкций⁵¹. Президент может принимать указы и распоряжения (ч. 1 ст. 90), например, регулирующие вопросы гражданства (ч. 2 и 4 ст. 29 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»), по которым удельный вес подзаконного нормотворчества особенно велик⁵². Органы местного самоуправления реализуют полномочия по вопросам местного зна-

чения, включая введение местных налогов и сборов (ч. 1 ст. 132 Конституции, ст. 15 НК РФ), что не может не означать ограничения права частной собственности.

Этого противоречия не существовало бы, если бы конституционный законодатель использовал более честную формулировку о том, что основные права личности могут ограничиваться «на основании федерального закона». Разумеется, это означало бы, что федеральный закон должен устанавливать четкие рамки такого делегирования, несоблюдение которых означало бы незаконность ограничения. Но есть и выход из существующего противоречия: признать, что собственно *правоограничения* вводятся федеральным законом, тогда как некоторыми иными правовыми актами могут регулироваться *условия* (требования, порядок)⁵³ реализации прав и свобод.

Указанное предположение мы далее проиллюстрируем двумя примерами.

Законодательством к вопросам местного значения отнесено среди прочего принятие правил благоустройства территории муниципального образования (например, п. 19 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Такими муниципальными правовыми актами вводятся в том числе требования к размещению нестационарных торговых объектов (киосков, палаток) (НТО) на придомовой территории. Это, в свою очередь, затрагивает как право на занятие предпринимательской деятельностью хозяйствующих субъектов, так и право на распоряжение своим имуществом собственников помещений многоквартирного дома. Иногда эти требования приобретают и характер абсолютного запрета такой деятельности на указанных территориях. КС РФ, рассматривая этот вопрос, сформулировал следующую правовую позицию: «...органами местного самоуправления определяются *условия реализации полномочий собственников помещений в многоквартирных домах*, в том числе косвенно за-

⁵⁰ Экштайн К. Указ. соч. С. 61, 63 и 65.

⁵¹ См. подробнее об этой проблеме: Должиков А.В. Ограничение основных прав законами субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 2.

⁵² См. в подтверждение: Казанцев С.М. Проверка подзаконных нормативных правовых актов Конституционным Судом Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 1.

⁵³ Можно сравнить эту терминологию с той, что использует, например, ст. 10 Европейской конвенции, допускающая ограничение свободы слова «*формальностями, условиями, ограничениями или санкциями*».

трагивающие пределы их усмотрения при вступлении в договорные отношения по поводу общего имущества... В то же время осуществление такими актами регулирования, *ограничивающего* само содержание права собственности в отношении придомовой территории с помощью таких запретов, снабженных посредством бланкетных законодательных норм мерами юридической ответственности, во всяком случае не является приемлемым по смыслу статьи 55 (часть 3) Конституции»⁵⁴.

Указанная позиция представляется теоретически верной, хотя и не всегда легко реализуемой на практике, которая показала, что грань между установлением условий размещения НТО на придомовой территории, с одной стороны, и ограничений данной деятельности — с другой, при должной изобретательности местных властей легко стирается⁵⁵. Например, если орган местного самоуправления предписывает предпринимателям набор возможных цветовых решений, согласующихся с архитектурным обликом жилого квартала, это можно считать условием (требованием); однако если правила благоустройства предусмотрят такое минимально допустимое расстояние от НТО до жилого дома, которое превышает радиус придомовой территории, то это будет фактически означать именно ограничение.

Второй пример касается установленного законодателем требования от кандидата на выборную должность указывать в заявлении о согласии баллотироваться сведения об имеющейся у него судимости, в том числе уже снятой или погашенной (ч. 2.1 ст. 33 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). В судебной практике получило распространение расширительное истолкование этого требования, по смыслу которого под сведениями о судимости понимаются, по существу, «сведения об осуждении» приговором суда, сохраняющем законную силу. При этом в уголовно-правовом смысле осуждение в ряде случаев — например, в связи с последующим актом амнистии — не влечет за собой состояния судимости. КС РФ в нескольких опреде-

лениях поддержал это толкование, отметив следующее: «...данное требование, выступая в качестве *условия реализации* пассивного избирательного права, а не как его *ограничение*, конституционные права заявителя в указанном в жалобе аспекте не нарушает»⁵⁶.

Действительно, поскольку указанный факт биографии кандидата не препятствовал сам по себе участию в выборах, а лишь требовал сообщения о нем в избирательных документах, можно счесть, что таким расширительным толкованием не было введено новое ограничение пассивного избирательного права. Однако судебная практика пошла дальше и придала такое же толкование и ч. 3.2 ст. 4 указанного Закона, которая связывает наличие в прошлом судимости с невозможностью в течение определенного срока участвовать в выборах. КС РФ счел такую практику приемлемой, сославшись на предыдущие определения и не усмотрев конституционно-правовой неопределенности данной нормы⁵⁷. Между тем, на наш взгляд, в данном случае речь идет уже об «ограничении» избирательного права, а никак не об «условии реализации» такового; но если признавать, что это именно ограничение, то следует признать и то, что оно не могло быть введено иначе, чем поправками в федеральный закон.

Предложенный методологический подход помогает избежать теоретического затруднения, вызванного ограничением некоторых абсолютных прав, в частности права на доступ к суду. Можно было бы утверждать, что невозможность для какой-либо категории лиц, обладающих материальной правоспособностью, обратиться в суд, равно как и невозможность оспаривать в суде какие-либо категории нормативных или индивидуальных актов, есть ограничение права на судебную защиту, которое недопустимо⁵⁸. Напротив, требование соблюсти предусмотренный законом досудебный (претензионный) порядок защиты прав или уплатить госу-

⁵⁶ Определения КС РФ от 10.03.2016 № 450-О и от 10.03.2016 № 451-О.

⁵⁷ Определение КС РФ от 24.02.2022 № 445-О.

⁵⁸ Впрочем, Г.А. Жилин называет ограничение законодателем круга лиц, которые имеют право на обращение в суд с исковым требованием (например, о признании брака недействительным), в числе *условий реализации* права на судебную защиту наряду с требованиями подведомственности и допустимости (Жилин Г.А. Условия реализации права на обращение за судебной защитой // Российская юстиция. 1999. № 5).

⁵⁴ Постановление КС РФ от 19.04.2021 № 14-П.

⁵⁵ См. в подтверждение: Определение КС РФ от 10.03.2022 № 498-О-П.

дарственную пошлину за обращение в суд есть условие (порядок) реализации права на судебную защиту⁵⁹.

По всей видимости, различие между установлением ограничений права и введением условий реализации этого права состоит в степени интенсивности правового регулирования. Если лицо лишается некоторых правовых возможностей (правомочий) в рамках гарантируемого права, то речь идет об ограничении этого права; если же лицо может реализовать такие правовые возможности, соблюдая определенные формальности, то мы имеем дело с условием (порядком) реализации права.

В то же время некоторое условие может быть сформулировано таким образом, что превратится в неправомерное ограничение (например, требования к досудебному урегулированию спора будут столь строгими или размер пошлины будет столь непосильным, что дальнейший доступ к судебной защите окажется заблокирован⁶⁰). В связи с этим непреодолимой грани между ограничениями и условиями реализации права нет и не может быть; следовательно, и те и другие могут быть проверены на предмет соответствия Конституции РФ, ее положениям об основных правах и свободах, вне зависимости от того, в каких актах они содержатся.

Можно было бы отметить, что определение условий (порядка) реализации основных прав логично отнести к одной из форм — наряду с ограничением — регулирования прав. В таком случае предложенный подход позволяет решить проблему с прочтением ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, однако, оставляет открытым вопрос о понимании п. «в» ст. 71, который почему-то относит регулирование в целом — а не только ограничение — к исключительному ведению Российской Федерации.

⁵⁹ Здесь уместна часто повторяемая позиция КС РФ о том, что «статья 46 Конституции Российской Федерации не предполагает возможность выбора гражданином по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты... особенности которых применительно к отдельным видам производств и категориям дел определяются... федеральными законами» (Определение от 29.09.2011 № 1185-О-О и многие другие).

⁶⁰ В этом смысле не так важно, является ли ограничение права целью правовой нормы или же фактическим следствием ее применения, на что часто обращает внимание ЕСПЧ.

5. Ограничения конституционных прав

Помимо названного выше требования к *форме* ограничения конституционного права в теории и практике предъявляются требования и к его *содержанию*, которые сводятся к двум вопросам: является ли ограничение обоснованным и в какой степени оно допустимо? В судебной практике и литературе эти два вопроса выражены в двух элементах так называемого теста на пропорциональность⁶¹: наличие у ограничения оправдывающей его цели (*legitimate aim*) и его соразмерность (*necessity in democratic society*).

Ответ на первый вопрос затрудняется тем, что ч. 3 ст. 55 Конституции РФ перечисляет ряд ценностей, оправдывающих ограничение основных прав (начиная правами иных лиц и заканчивая обороной государства). При этом, во-первых, неясно, как это соотносится со ст. 2 Основного закона, которая признает высшей ценностью «человека, его права и свободы»; может ли в таком случае право индивида (как высшая ценность) быть ограничено в интересах защиты территориальной целостности (как подчиненной ценности)? Во-вторых, очевидно, что не всякая из перечисленных в этом перечне ценностей может вступать в конфликт с тем или другим правом и требовать его ограничения⁶²; например, вряд ли право на дошкольное образование требует соотношения с интересами обороны страны.

В литературе сложилось преимущественно два подхода к разрешению этого логического противоречия. Так, по мнению С. Пчелинцева, основанному на буквальном прочтении ч. 3 ст. 55, «определяющими целями возможных ограничений прав и свобод граждан чаще всего являются общественные интересы (в широком смысле), важной (а чаще всего, несомненно, приоритетной) составляющей которых являются интересы государственной и общественной безопасности»; при этом признается, что перечисленные публич-

⁶¹ А. Шайо также подтверждает, что в российской трактовке тест имеет двухступенчатую структуру (Конституционные права в России: дела и решения. С. 64–65); в немецкой его интерпретации он включает в себя и иные промежуточные ступени, такие как пригодность и минимальность (см.: Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022).

⁶² Мнение Г.А. Гаджиева к Постановлению КС РФ от 30.10.2003 № 15-П.

ные интересы могут оправдать ограничение далеко не каждого права или свободы⁶³. Обратная точка зрения, основанная на согласованном прочтении данной нормы и ч. 3 ст. 17 Конституции, отстаивается проф. Т. Морщаковой: «...оправдать перечисленными целями вводимые ограничения прав и свобод возможно только в той мере, в которой достижение этих целей опосредованно обеспечивает именно защиту прав и свобод — в ином контексте такое ограничение расхотилось бы с признанием личности высшей среди защищаемых Конституцией ценностей»; в этом случае вопрос о соотношении перечисленных в данной норме ценностей с конкретным ограничиваемым правом не имеет особого значения⁶⁴.

Второй подход представляется более логически непротиворечивым, а главное, задает персонцентристское видение российской Конституции в целом; однако практика показывает, что цели ограничения основных прав, поименованные в российской Конституции или Европейской конвенции, не только применяются в их буквальном значении, но и трактуются весьма широко. Это подтверждается тем, что КС РФ, как и ЕСПЧ, проводя тест на пропорциональность, исключительно редко признает проверяемые ограничения бесцельными, оставляя за государствами значительную свободу усмотрения в определении таких целей.

⁶³ Пчелинцев С. Нормы международного права и Конституция Российской Федерации о целях ограничения прав и свобод граждан // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 2. С. 99. Похожий подход разделяет проф. Н. Бондарь, который отмечает необходимость согласования частных и публичных интересов, относя к последним интересы безопасности, причем не только физической, информационной и прочей безопасности личности, но и безопасности общества и государства в целом (Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011).

⁶⁴ Морщакова Т.Г. Доктринальные основы имплементации международных стандартов прав и свобод средствами конституционного правосудия // Право. 2008. № 1. С. 15–16. Этот же подход разделяет В. Лапаева, указывая, что суд «должен показать, какие права и свободы человека могут быть нарушены, если не будут должным образом защищены соответствующие конституционные ценности», в связи с чем «нельзя соизмерить, например, право человека на объединение в политическую партию и такую конституционную ценность, как безопасность государства» (Лапаева В.В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Государство и право. 2013. № 2. С. 17).

В подтверждение этого приведем лишь два примера из практики обоих судов, связанных с политическими правами.

В одном из дел⁶⁵ ЕСПЧ предстояло оценить, насколько соответствует ст. 11 Европейской конвенции (свобода ассоциаций) предусмотренный французским законодателем запрет для политических партий получать финансирование от иностранных юридических лиц, включая партии, зарегистрированные в других государствах Евросоюза. Суд исходил из того, что предусмотренное ч. 2 данной статьи основание для ограничения, а именно «предотвращение беспорядков» (*prevention of disorder*), может толковаться среди прочего как защита «институционального порядка». Тем самым Суд удовлетворился доводами стороны-ответчика о том, что «законодатель стремился исключить возможность создания отношений зависимости, которые наносили бы ущерб выражению национального суверенитета». Напротив, Суд не считал необходимым оценивать, насколько указанный запрет соотносится с целью «предотвращения преступлений», которая также упомянута в ч. 2 статьи и которая предполагает установление конкретных и реальных угроз.

В деле⁶⁶, которое рассматривал КС РФ, стоял вопрос о том, соответствует ли Основному закону ограничение лиц, имеющих двойное гражданство, в ряде корпоративных прав, вытекающих из их участия в радиовещательных организациях. Суд отметил, что такое используемое в ч. 3 ст. 55 Конституции основание для ограничения основных прав, как «обеспечение безопасности государства», не исчерпывается защитой от военного вмешательства, но подразумевает также «информационную безопасность государства». Ссылаясь на законоподготовительные материалы, он постановил, что указанная цель — принимая во внимание значительную роль в формировании СМИ общественного мнения — может оправдывать ограничение некоторых корпоративных прав. При этом Суд не стал отдельно оценивать, насколько данные ограничения соотносятся с целью защиты прав иных лиц, например радиослушателей или радиовещателей-конкурентов.

⁶⁵ Постановление ЕСПЧ от 07.06.2007 по делу «Баскская национальная партия и региональная организация „Иппаральде“ (*Basque Nationalist Party and Ipparalde — Regional Organisation*) против Франции».

⁶⁶ Постановление КС РФ от 17.01.2019 № 4-П.

Таким образом, в обоих делах для установления законной цели ограничения свободы ассоциаций (свободы СМИ) суды избрали наиболее аморфные правовые категории, выражающие абстрактные публичные интересы, не оговаривая особо, какие именно права индивида опосредованы этими целями. Это может объясняться как стремлением выказать уважение к государственной политике, формируемой демократически избранным парламентом, так и относительной простотой этого подхода, не требующего глубокого исследования социологических, экономических и прочих данных, обуславливающих вводимое ограничение.

Неоднократно упоминавшаяся ч. 3 ст. 55 Конституции РФ гласит, что основные права и свободы могут подвергаться ограничению «только в той мере, в какой это необходимо» для защиты перечисленных в этой норме ценностей. Отношение к основанной на этой норме технике пропорциональности (балансирования) не вполне однозначно. По мнению проф. А. Ильина, этот «тест предполагает применение довольно размытых и неточных критериев, оставляющих большое пространство для манипуляций»; напротив, «подход, основанный на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, не только более элегантен: он прозрачен и честен»⁶⁷. Но есть и обратная точка зрения: например, А. Шайо отмечает, что «часть 3 ст. 55 российской Конституции указывает на необходимость наличия федерального закона и на принцип пропорциональности как на дополнительные условия ограничения: ч. 3 ст. 17 таких упоминаний не содержит»; в итоге именно тест на пропорциональность является «достаточно универсальным: используется как в конфликтах между государством и личностью, так и между частными лицами»⁶⁸.

Практика показала, что КС РФ в некоторых случаях использует усеченную версию теста на пропорциональность, выявляя правомерные цели, стоящие за ограничением, но не оценивая отдельно — по крайней мере, в текстуально выраженной форме — соразмерность (справедливость) этого ограничения. Так, в ряде определений Суд справедливо отметил, что установленный субъектами РФ запрет на проведение публичных мероприятий в период распространения COVID-19 пресле-

дует конституционные цели защиты жизни и здоровья граждан⁶⁹. Однако в этих делах Суд не стал оценивать соразмерность такого запрета, который (а) распространяется как на коллективные, так и на одиночные публичные мероприятия, (б) касается мероприятий, проводимых как в помещении, так и на открытом воздухе, (в) не учитывает обеспечения организатором участников средствами индивидуальной защиты, (г) не делает исключений для мероприятий, носящих спонтанный характер. Учет этих и (или) иных факторов региональными законодателями снял бы всякие претензии к соразмерности указанного запрета.

ЕСПЧ, судя по его практике, последовательно оценивает как наличие законной цели ограничения, так и его необходимость в демократическом обществе (хотя в некоторых постановлениях эти шаги не разграничены или вообще не названы). Вопросы вызывает оценка Судом тех или иных фактов конкретного дела как свидетельствующих о соразмерности или, наоборот, несообразности ограничения. Например, в уже упомянутом деле «Бианкарди против Италии» Суд не усмотрел нарушения свободы прессы возложением на издателя онлайн-журнала обязанности прекратить индексацию размещенной им ранее статьи об уголовном преследовании нескольких лиц. В числе фактов, повлиявших на такой вывод, Суд назвал «период времени, когда статья была доступна онлайн». Между тем с момента опубликования статьи и описываемых в ней событий прошло всего около трех лет; что более важно, весь этот период уголовное разбирательство, ставшее предметом статьи, продолжалось. Можно ли было судить в таких условиях об утрате этой информацией своей актуальности и, как следствие, о соразмерности возложенного на заявителя бремени?

Означает ли сказанное, что оценка соразмерности (пропорциональности) ограничений в конституционном праве — в отличие от установления правомерной цели ограничения — неизбежно имеет ситуативный, непредсказуемый характер? Полагаем, что этот вывод был бы неверным, поскольку в судебной практике можно выявить некоторые типичные факторы, потенциально сигнализирующие о такой несообразности или наоборот.

⁶⁷ Ильин А. В. Конституционное право России: авторский курс. М., 2022. С. 161.

⁶⁸ Конституционные права в России: дела и решения. С. 66 и 70.

⁶⁹ Определения КС РФ от 20.07.2021 № 1680-О и от 31.05.2022 № 1189-О.

Во-первых, почти всегда несоразмерно ограничение (включая меры юридической ответственности), которое имеет недифференцированный (бланкетный) характер. Например, избыточной может быть компенсация за нарушение авторских прав в установленной законом твердой величине (пропорции), не позволяющей суду учесть личность нарушителя, форму вины, характер нарушения и иные релевантные обстоятельства конкретного дела⁷⁰.

Во-вторых, несоразмерность ограничения может усиливаться косвенным негативным воздействием на иные (помимо прямо ограничиваемых) охраняемые ценности (включая права третьих лиц). Например, таковым является общий запрет одним из родителей выезда за границу его несовершеннолетнего ребенка, поскольку этим также ограничивается в правах осуществляющий за ребенком уход второй родитель⁷¹.

В-третьих, напротив, о соразмерности ограничения может свидетельствовать набор сопоставимых правовых гарантий, призванных его компенсировать (смягчить). Например, отсутствие предварительного судебного контроля за законностью взимания налогов (сборов, страховых взносов) с физического лица компенсируется наличием последующего судебного контроля за действиями налоговых органов (а равно органов принудительного исполнения)⁷².

В-четвертых, в пользу соразмерности ограничения может свидетельствовать его кратковременное действие, обусловленное событиями неординарного характера. Например, по мнению КС РФ, ограничительное регулирование проведения публичных акций, вводившееся на время мероприятий *FIFA*, было «ограничено разумным сроком, сопоставимым с календарными датами проведения спортивных соревнований и учитывающим время выезда иностранных гостей из Российской Федерации»⁷³.

В-пятых, требование соразмерности не исключает смещения баланса интересов в пользу так называемой слабой стороны правоотношения, имеющей меньше возможностей влиять на содержание регулируемого

правоотношения. Например, справедливо возложение рисков несоблюдения требований к порядку заключения договора банковского вклада не на вкладчика, проявившего разумную осмотрительность, а на сам банк⁷⁴.

В завершение следует отметить еще как минимум одно материально-правовое требование к ограничениям конституционных прав: сохранение неприкосновенным «основного содержания» или, иначе, «сущностного ядра» этого права. Данное требование, известное германскому Основному закону, может быть взаимоувязано с ч. 2 ст. 55 Конституции о том, что законы не должны «отменять или умалять» основные права личности.

Вероятно, в избирательном праве таким ядром является возможность отдать свой голос за кандидата (или также против всех кандидатов?), тогда как, например, возможность агитировать за этого кандидата может быть изъята без посягательства на само существование избирательного права. Следует отметить, что эта конструкция «является исключительно теоретической и фактически не используется на практике по двум причинам». Во-первых, любое умаление может рассматриваться как частный случай (крайняя форма) неправомерного ограничения права (наоборот, не всякое неправомерное ограничение обязательно связано именно с умалением — оно может быть связано с несоблюдением формы ограничения или принципа правовой определенности). Кроме того, в доктрине нет ясности в том, что же именно представляет собой это основное содержание права (образ персика, в котором косточка составляет нерушимое ядро, а мякоть — предмет ограничений, мало что дает для понимания проблемы)⁷⁵.

6. Запрет злоупотребления конституционными правами

Если в качестве отправной точки в дискуссии о критериях правомерного ограничения основных прав использовать ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, то остается нерешенным вопрос о предназначении ч. 3 ст. 17, кото-

⁷⁰ Постановление КС РФ от 24.07.2020 № 40-П.

⁷¹ Постановление КС РФ от 25.06.2020 № 29-П.

⁷² Постановление КС РФ от 23.06.2022 № 26-П.

⁷³ Определение КС РФ от 29.05.2018 № 1149-О.

⁷⁴ Постановление КС РФ от 27.10.2015 № 28-П.

⁷⁵ Конституционные права в России: дела и решения. С. 52.

рая гласит: «...осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Можно предположить, что данная норма устанавливает универсальный (межотраслевой) запрет злоупотребления правами, т.е. исключает такое их использование, которое, хотя прямо и не запрещено Конституцией (федеральным законом), имеет своей основной целью нарушение прав иных лиц и потому не может считаться приемлемым⁷⁶. Очевидно, что в таком случае кто-то должен квалифицировать правоупотребление в качестве злоупотребления правом, применяя меры юридического воздействия: в правовом государстве этим кем-то может быть только суд.

Приведенная мысль куда более точно и емко ранее сформулирована А. Шайо: «...основные права в известной степени расплывчаты (не являются четкими правилами), тем самым предотвращение *ex ante* непредвиденного вреда невозможно и требуется корректировка *ex post*. Наличие прав не означает прекращения рационального дискурса, злоупотребление правами — как техническое понятие — следует отличать от ограничений некоторого права, которые определяются законодательно (хотя основания могут быть сходными). Злоупотребление правами в типичном случае выявляется в форме судебного решения по поводу конкретного применения права и в значительной степени ориентировано на последствия»⁷⁷.

Предположим, что некоторое лицо собирает группу своих сторонников и направляется в специально отведенное место, где, как ему известно, иная группа намерена проводить публичное мероприятие. Первая группа использует вызывающие лозунги и средства наглядной агитации, всячески дискредитирующие ту повестку, которую выдвигает вторая группа. С одной стороны, может показаться, что первая группа лишь реализует свое конституционное право на контрдемонстрацию; с другой стороны, она целенаправленно блокирует (затрудняет) реализацию права на публичное мероприятие первой группой, создавая также угрозу общественному

спокойствию⁷⁸. Представляется, что в этом случае суд, исследовав всю совокупность доказательств, может прийти к выводу о том, что притязания первой группы не заслуживают правовой защиты.

Законодатель, обобщив накопленный негативный опыт или исходя из гипотетической угрозы некоторого поведения, может предупредить его *ex ante* и *in abstracto*. Например, он может установить, что проведение в одном месте одновременно с иным мероприятием другой публичной акции не допускается; в противном случае такая акция подлежит прекращению, а ее организатор несет административную ответственность. В этом случае проведение описанной акции будет уже не злоупотреблением, а правонарушением с заранее предсказуемыми правовыми последствиями. Другое дело, что такой запрет может быть проверен с точки зрения его соразмерности и признан нарушающим право на контрдемонстрацию.

Сказанное означает, что как нормативно установленное ограничение права, так и выявление злоупотребления правом в конкретном случае имеют свои достоинства и недостатки. Ограничение позволяет каждому заранее соизмерять свое поведение с возможными негативными последствиями; в то же время оно может оказаться избыточным или, напротив, пробельным. Запрет злоупотребления позволяет более гибко реагировать на бесчисленное множество социально вредных практик; однако в этом случае поведение лица объявляется недопустимым *post factum*, хотя прежде оно, строго формально, не считалось таковым.

Можно предположить, что именно поэтому в публичном праве так и не сложилось стройной и последовательной теории злоупотребления основными правами. В тех же случаях, когда законодатель использует эту или похожие категории (например, недобросовестная конкуренция путем введения в заблуждение⁷⁹), речь идет скорее о противоправном поведении (например, в сфере экономической деятельности). Показательно,

⁷⁶ См. подробно: Блохин П.Д. Спойлерство как частный случай злоупотребления полномочиями // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 1.

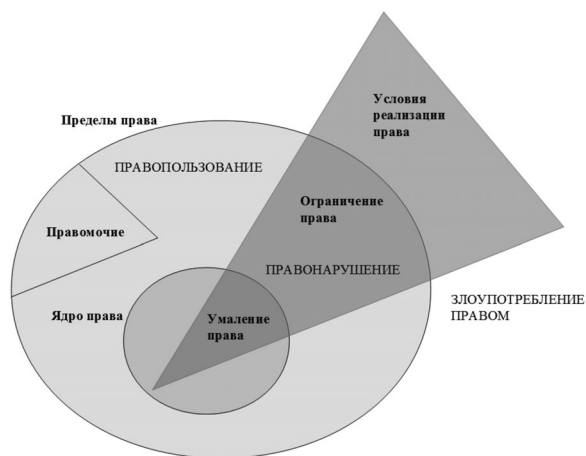
⁷⁷ Шайо А. Злоупотребление основными правами или парадоксы преднамеренности // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 165, 173.

⁷⁸ См. анализ этой ситуации: Храмова Т.М. Право на контрдемонстрацию: угроза или индикатор уровня демократии? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7.

⁷⁹ Статья 14.2 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

что такой состав преступления, как «злоупотребления в сфере закупок» (ст. 200.4 УК РФ), конструируется законодателем через понятие «нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе», в связи с чем слово «злоупотребление» здесь не несет самостоятельной смысловой нагрузки. Это вполне объяснимо, учитывая, что в уголовном праве ответственность наступает лишь за деяние, общественная вредность которого четко определена действующим уголовным законом (*nullum crimen, nulla poena sine lege*).

Структура конституционного права

The structure and legal limitation of fundamental rights: the Russian constitutional model

The author seeks to present a systematic, internally consistent picture of the fundamental (constitutional) human rights and freedoms. Thus, the author distinguishes the limits (borders) of the right and its essential inviolable core; the basic content of the right is presented as an innumerable set of powers, some of which come into effect only along with the development of science and technology. Such powers may be subject to regulation, which includes — depending on their strength — both limitations of rights and conditions for their exercise. This regulation, however, is possible only if the lawmaker meets certain formal and substantive requirements. If one goes beyond these restrictions and conditions,

as well as realizes one's right in order to harm the rights of others (abuse), this makes the protection of the individual's claims as subjective rights impossible.

Keywords: *limitation of right, limits of right, basic content of right, absolute rights, abuse of right*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel D. Blokhin

Associate Professor at the Faculty of Law at National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg), Candidate of Juridical Sciences

REFERENCES

Blokhin, P.D. "Spoilers as a Form of Abuse of Power" [*Spyolterstvo kak chastnyy sluchay zloupotrebleniya polnomochiyami*]. Comparative Constitutional Review [*Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye*]. 2021. No. 1.

Bondar', N.S. Judicial Constitutionalism in Russia in the Light of Constitutional Justice [*Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya*]. Moscow, 2011.

Chetvernin, V.A. (ed.). Constitution of the Russian Federation: Problematic Commentary [*Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: Problemnyy kommentariy*]. Moscow, 1997.

De Salvia, M. "Thoughts on an Axiological Approach in the European Court of Human Rights' Practice" [*Razmyshleniya ob aksiologicheskom podkhode v praktike Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka*]. Comparative Constitutional Review [*Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye*]. 2012. No. 5.

Dolzhikov, A.V. "Limitation of Fundamental Rights by the Laws of the Constituent Entities of the Russian Federation" [*Ogranicheniye osnovnykh prav zakonami sub'yektov Rossiyskoy Federatsii*]. Constitutional and Municipal Law [*Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*]. 2005. No. 2.

Dolzhikov, A.V. Proportionality as a General Legal Principle in Russian Constitutional Justice: A Candidate of Juridical Sciences Thesis [*Sorazmernost' kak obshchepравovoy printsip v konstitutsionnom pravosudii Rossii (na primere osnovnykh sotsial'nykh prav): dis. na soiskanie uchenoy stepeni kand. yurid. nauk*]. Saint Petersburg, 2022.

Dovgan', E.F. "New' Human Rights and International Law" [*Novyye' prava cheloveka i mezhdunarodnoye pravo*], in: Constitution of the Russian Federation and Modern Legal Order: Moscow Legal Week: XV International Scientific-Practical Conference: Kutafin Readings. Part 4 [*Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii i sovremennyy pravoporyadok: Moskovskaya yuridicheskaya nedelya: XV mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: Kutafinskiye chteniya. Chast' 4*]. Moscow, 2019.

Ekshayn, K. Basic Rights and Freedoms under the Russian Constitution and the European Convention: Study Guide

[*Osnovnyye prava i svobody po rossiyskoy Konstitutsii i Evropeyskoy Konventsii: uchebnoye posobiye*]. Moscow, 2004.

Evseyev, A.P. “Right to Truth — A New Human Right?” [*Pravo na pravdu — novoye pravo cheloveka?*]. *International Justice [Mezhdunarodnoye pravosudiye]*. 2022. No. 2.

Ilyin, A.V. *Constitutional Law of Russia: Author’s Course [Konstitutsionnoye pravo Rossii: avtorskiy kurs]*. Moscow, 2022.

Khramova, T.M. “Right to Counter-Demonstrate: A Threat or an Indicator of Democracy Level?” [*Pravo na kontrdemonstratsii: ugroza ili indikator urovnya demokratii?*]. *Constitutional and Municipal Law [Konstitutsionnoye i munitsipal’noye pravo]*. 2012. No. 7.

Krasnov, M.A. “Limitation of Human Rights or Search of its Natural Bounds?” [*Ogranicheniye prav cheloveka ili poisk ikh estestvennykh predelov*]. *Law. Journal of the Higher School of Economics [Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki]*. 2009. No. 2.

Lapayeva, V.V. “Criteria of Restriction of Human and Citizen’s Rights in the Constitution of the Russian Federation” [*Kriterii ogranicheniya prav cheloveka i grazhdanina v Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii*]. *State and Law [Gosudarstvo i pravo]*. 2013. No. 2.

Malyutin, N.S. “Role of Judicial Interpretation in Delimitation of Theoretical-Law Constructions of Legal Regulation, Limitations and Denial of Rights and Freedoms of Man and Citizen” [*Rol’ sudebnogo tolkovaniya v razgranichenii teoretiko-pravovykh konstruktsiy pravovogo regulirovaniya, ogranicheniya i umaleniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina*]. *Constitutional and Municipal Law [Konstitutsionnoye i munitsipal’noye pravo]*. 2014. No. 3.

Morshchakova, T.G. “Doctrinal Bases of Implementation of International Standards of Rights and Freedoms by Means of Constitutional Justice” [*Doktrinal’nyye osnovy implementatsii mezhdunarodnykh standartov prav i svobod sredstvami konstitutsionnogo pravosudiya*]. *The Law [Pravo]*. 2008. No. 1.

Morshchakova, T.G. “The Constitutional Concept of Judicial Proceedings” [*Konstitutsionnaya kontseptsiya sudoproizvodstva*]. *Russian Justitia [Rossiyskaya yustitsiya]*. 2001. No. 10.

Pchelintsev, S. “Norms of International Law and the Constitution of the Russian Federation on the Purpose of Limiting the Rights and Freedoms of Citizens” [*Normy mezhdunarodnogo prava i Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii o tselyakh ogranicheniya prav i svobod grazhdan*]. *Comparative Constitutional Review [Srvnitel’noye konstitutsionnoye obozreniye]*. 2006. No. 2.

Rumyantsev, A.G. “Separation of ‘Digital’ Rights: New Technologies, New Opportunities, New Restrictions” [*Obosobleniye “tsifrovyykh” prav: Novyye tekhnologii, novyye vozmozhnosti, novyye ogranicheniya*]. *Comparative Constitutional Review [Srvnitel’noye konstitutsionnoye obozreniye]*. 2021. No. 6.

Sajo, A. (ed.). *Constitutional Rights in Russia: Cases and Solutions: A Textbook [Konstitutsionnyye prava v Rossii: dela i resheniya: Uchebnoye posobiye]*. Moscow, 2002.

Sajo, A. “Abuse of Fundamental Rights or the Difficulties of Purposiveness” [*Zlupotrebleniye osnovnymi pravami ili paradoksy prednamerennosti*]. *Comparative Constitutional Review [Srvnitel’noye konstitutsionnoye obozreniye]*. 2008. No. 2. S. 165, 173.

Sanstein, K. “Negative Qualities of Positive Rights” [*Otritsatel’nyye kachestva polozhitel’nykh prav*]. *Constitutional Law: Eastern European Review [Konstitutsionnoye pravo: vostochnoyevropeyskoye obozreniye]*. 1993. No. 1.

Topornin, B.N., Baturin, Yu.M. and Orekhov, R.G. (eds.). *Constitution of the Russian Federation: A Commentary [Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Kommentariy]*. Moscow, 1994.

Troitskaya, A. “Limits of Rights and Absolute Rights: Are They beyond Proportionality? Theoretical Questions and the Russian Constitutional Court’s Jurisprudence” [*Predely prav i absolyyutnyye prava: za ramkami printsipa proporsional’nosti? Teoreticheskiye voprosy i praktika Konstitutsionnogo Suda RF*]. *Comparative Constitutional Review [Srvnitel’noye konstitutsionnoye obozreniye]*. 2015. No. 2.

Zhilin, G.A. “Conditions for the Realization of the Right to Apply for Judicial Protection” [*Usloviya realizatsii prava na obrashcheniye za sudebnoy zashchitoy*]. *Russian Justitia [Rossiyskaya yustitsiya]*. 1999. No. 5.